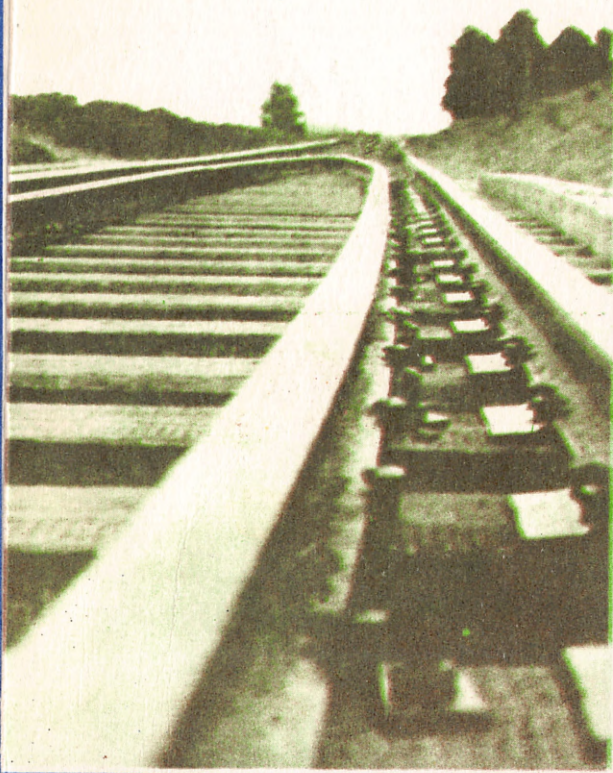

Егор Самченко

*ЖЕСТКИЙ
ВАГОН*

Первая книга в столице

Егор Самченко — врач. Живет в Солнечногорске. Молодой врач, молодой город — как тут не писать стихи! Молодо, но не зелено... Самченко — главный психиатр Солнечногорского района Московской области. Он, как и многие его сверстники, пишет стихи после работы. Но пишет не от случая к случаю и не для узкого круга друзей. Стихи молодого поэта печатались на страницах «Для поэзии», «Комсомольской правды», «Знамени», «Юности».

Для поэзии совсем не важно, кто пишет — врач или школьный учитель, профессиональный поэт или ихтиолог. Важно, чтобы то, что пишется в рифму, было поэзией. Случай с Егором Самченко — не исключение. Специалист, интеллигент, не обольщаясь ранней профессионализацией, он серьезно любит поэзию и по мере своих сил и таланта участвует в общелитературном процессе. Да, такое теперь время — Поэзия заглядывает во все цеха и лаборатории жизни, жизнь платит ей взаимностью — в поэзию приходят люди самых разных профессий, двери распахнуты, гуляют сквозняки, «сварщик говорит с звездой!»

И вот книга стихов — своеобразная, влюбленная в нашу действительность, быстро чувствующая и думающая. В недавнем прошлом Егор Самченко был рабочим, солдатом, студентом. Отрадно то, что приметы и вехи его трудовой биографии, столь типичной для нашего молодого современника, щедро рассыпаны по страницам книги... Но не менее важно и то, что Егор Самченко идет не просто по пути внешних событий жизни, но душевно осмысливает их, зная,

что живое движение сегодняшнего дня нельзя понять без дня вчерашнего, которому мы всегда обязаны нашей мирной жизнью. Поэтому, вспоминая о своем отце, погибшем под Сталинградом, сын, глядя на Вечный огонь, пылающий в сердце Москвы, находит для своих чувств суровые и значительные слова:

...Столица мира. Полдень века.
Кремлевский сдержанный гранит.
Есть у огня и человека
Здесь государственное эхо —
Огонь навтыяжку горит!

«Жесткий вагон» — первая книга. Но книга написана уверенной рукой, видно, что это не первые стихи, что автор многое вычеркивал, правил, не «жалел» себя. Каким будет продолжение? Никто из нас на этот вопрос ответить не может. Ответит время. А энергии и страсти, любви к жизни и слову Егору Самченко не занимать.

В добрый путь!

Игорь ИВАНТЯРЕВСКИЙ

Егор
Самченко

*Жесткий
вагон*

СТИХИ

«СОВРЕМЕННОК»
МОСКВА . 1975

Самченко Е. Д.

C17 Жесткий вагон. Стихи. М., «Современник», 1975.

79 с.; 1 л. портр. (Первая книга в столице).

«Жесткий вагон» — первая книга Егора Самченко. Автор, врач по специальности, работает в Солнечногорском районе Московской области.

Е. Самченко пишет о своей рабочей и солдатской юности, о людях светлой души и щедрого сердца. Он печатался в «Комсомольской правде», в журналах «Знамя» и «Юность», в сборниках «День поэзии».

C $\frac{70402-062}{\text{Л106(13)-75}}$ 131—75

P2

* * *

Мороз и солнце. Бьют куранты —
То эхо или звук сердец?
Идет война. Идут курсанты.
Я старше стал тебя, отец.
Мороз. И в горле воздух горек.
У извещений вечен срок:
— Под Сталинградом есть пригорок.
Огонь невидим, но высок —
Танкист горит. Отец горит.
Стена огня. Равнина снега... —
...Столица мира. Полдень века.
Кремлевский сдержанный гранит.
Есть у огня и человека
Здесь государственное эхо —
Огонь навтыяжку горит!

* * *

А запомнил еще,
Как во время войны
Умер брат пятимесячный.
Были почти темны,
В зимней эвакуации
Речи тихи...
Я не знаю, чем кончатся
Эти стихи.

И холодное тельце —
Бледна и бела —
Через родину
Мать на руках пронесла...
Он уже не узнает,
Как жизнь хороша,
Вертикальный цветок
Под названием «Душа».

Не свищут пули — ветер свищет
В сырых оврагах и лесах.
Оконов нет — просторней, выше
Хлебам гулять в моих степях!
В лесах бегу тропой дикой —
Я красной сочной земляничкой
Мою корзину накормлю.
Бегу, бегу, я жить люблю
В лесном краю, в стране великой...
Внезапно перед земляничкой
Я спотыкаюсь и смотрю —
Дырявая чужая каска.
И вдруг пахнет землею братской,
Тропой, быть может, партизанской —
Я вздрогну и стою, стою..
«Есть упоение в бою!» —
Ударит час — я повторю.
И бурно грудь моя задышит,
И кровь смелее закипит...
Но хорошо, что ветер свищет,
А степь зеленая шумит!

«Завидово»

И решительно я и всерьез
В наше дело ввязался родное —
Ореол золотистого зноя
Голубел над землею ржаной,
И скрипела тележная ось,
И мешок-четырёхпудовик
На макушке суровой веревкой
Я опять завязал и понес —
К нашим праздникам шла подготовка,
И скрипела земная ось.

На мешках я, смеясь, засыпал.
Но опять, тяжело обнимая,
Я мешок над землей поднимал —
Было время и век урожая.

...Так, домой не спеша в поздний час,
В электричке моей уносился,
Сам себе я на родине спился,
Беззаветно, наверно, смеясь.
Я свой выход проспал — повезло.
Я вскочил — остановка «Завидово»
Вздрыгнул я, свистнул я, позавидовал —
Эк, куда мою жизнь занесло!

* * *

Честно жить и думать честно! —
Здесь живут мои друзья.
В пересмене зорь небесных
Здесь задумчивость моя.
Эти степи на Украине —
Колыбель волны ржаной.
Эта песня с чистой тайной —
Облак ясный, звук живой.
Вижу даль российской шпри
С холмов Грузии ночной —
Вон из глубины Сибири
Сварщик говорит с звездой!

Живая связь

Я решаюсь мыслить смелей —
Где-то, где-то в стране моей
Все сбылось — так суждено!
Утром в небо открылось окно.
И сейчас же с родного холма
Улетел с улыбкой разлуки
Легкий летчик, раскинув руки,
Увлекаемый тягой ума.
А быть может, под вешней травой,
Там, где летчик погой оттолкнулся,
Ясноглазый шахтер разогнулся,
Ось земную задев головой.
И сейчас же в ржаном краю
Колое вздрогнул — так суждено,
И упало в ладонь мою
Нежно выпуклое зерно.
Связь живая легка и чиста!
А в зерне существуют — я знаю —
Сжатая глубина земная
И подземная высота!

* * *

В горле моем тишина —
Ни тебе зяблика даже,
С песенкой, в небе звенящей,
Робкой, бесшумно летящей
Над соловьиною чащей.

В горле моем высота —
Грозно, тревожно, счастливо
Так отрыдалось той ночью,
С той добротой заочной
Так отаукалась нежность
К родине, небу, любимой...

В горле моем тишина —
С легкостью неистребимой
Воздухом и чистотой,
Правдой становится голос,
Личной землей не сырой,
Где неразбрызганный колос
Вздрагивает под рукой.

* * *

А если под знойной звездой
Пронзительный ветер сухой
И черные бури промчались,
Столбы в стени закачались,
Озимые полегли,
Черные щеки ввалились,
Потрескались, запылились
Черствые губы земли, —

Упорнее синие взоры,
Короче, крупней разговоры,
Такою верой насущной
Насыщен простор стеней,
Что молниеносные тучи
Вот-вот прилетят, пришедут,
Вот-вот небеса качнутся
На длинных стеблях дождей!

* * *

Свежий сумрак полевой,
Пастушенье вешних сроков,
Тракторов далеких рокот,
Дрожь звезды твоей ночью,
Грудь земли твоей холмистой...
Засянет воздух мгlistый,
Солнце выглянет, взойдет —
Передышка сократится,
Распорядок уплотнится
Круглосуточных забот.
И зерно не отдыхает —
Поднимаясь над собой,
Стебель небо прорезает..
Вот и силу набирает
Хлеб — любовь земли живой!

На Кубани

Июль и солнце — горячка лета.
Встань раньше птицы — не досынай!
Но хлеборобы — солдаты хлеба —
Полей раздвинут передний край.

Река несется, но мчит стремнина,
Но время жатвы летит быстреей...
Я к комбайнеру прошусь в кабину —
Там ближе небо и ширь стеней.

Хлеба. Прищепы. В мешках избытки.
А вот улыбка и снись очей.
— Эй! — я кричу ей, и от улыбки
В полях светлее и веселей.

Вон там я вижу — за поворотом
Бежит проселок, пчела летит.
А люди мужествуют. Работа —
Душа народа. Она кипит.

А у работы — своя отвага,
И песня ширится на лету —
Идет комбайновая атака
Я вижу хлебную высоту!

У мельничной запруды

Вода отшумела — чиста и легка.
Мизинцем кашу отраженье мешка,
А рядом белеют, плывут облака,
И дуб зеленеет дремучий,
Чернеет задоринка с крепким сучком,
Я двигаюсь на фотоснимке речном,
И ближе, чем крыша воп та с петушком,
Край синего неба и круча.
На солнце стальное блестит колесо,
А утром запруду и чье-то лицо
Качнет, затуманит мучнистой пылью,
Обнимет прохладой летучей
И землю сырую встревожит опять —
Сработает мельник, заботой объят,
И белая лошадь свезет результат
В широкой подводе скрипучей...
Что будет — я весело знаю сейчас,
А облако ивы плакучей
Спускается к речке, вблизи становясь
Тенистой зеленою тучей.

* * *

Горит звезда. Царит под ней
Самодержавный соловей.
Животрепещет дуб. Под ним
Выпнает холм неколебим.
Влюблен наездник. Стень летит
Из-под взволнованных копыт.
Подковы след глубоки. Темно
Там, где упорствует зерно.
Под ямкой той земная ось
Вот-вот прорезжится насквозь
И кажется — в тиши скрипит,
Над ней звезда твоя горит!

* * *

Крикнешь дали бескрайней
И почувешь сперва:
Справа кличет Украина,
Слева бьется Москва.
И душой, сердцевинной
Ощутишь наперед —
Я иду на стремнину,
Век двадцатый идет.
Летом быстро светает,
В небе летчик летит,
Экскаватор шагает,
Ось земная скрипит.
И не стóбит, взрослея,
Пезначительно жить —
Будь готов веселее
Родные отдарить!

* * *

Случится минута такая —
Я вздрогну, неррон промелькнет,
Ложечка звякнет стальная
В стакане русского чая,
Слышится речь родная,
По родине едет народ.

А правде и я доверяю —
Общность путром постигаю,
Смотрю и смотрю в окно.
Мелькнет сторожка лесная,
Случится минута такая —
Когда я глаза закрываю,
Мне кажется — всем темно.

А кто я? Себя забываю,
А если окно открываю,
Ближе звезда почная—
В жестком вагоне блестит.
Случится минута такая —
Не стрелка ползет часовая,
А время живое летит!

* * *

Исполнишь под чистой
И пристальной высью
Не целью корыстной,
Но главною мыслью.

Ты выбрал, ты мыслишь?
На благо работай,
Уже не зависши
От смены погоды.

А ветер окрепнет,
Столбы закачает —
Звезду не колеблет,
Тебя освежает.

Песня

В ту душную ночь
Где-то, где-то в России
Три лошади
Чистых цыганских кровей
Так были черны,
Воронье мол,
Что сверкали в сияющем мраке,
И ветер, и пули свистели...
Спустя столько лет
Только главные подробности
Называю я правдой.
Нет! Не упижусь до трезвой черты --
Так было,
И было священно!
И что же с того —
Не воскликну я, но скажу, —
Что родился в сороковом,
На двадцать лет позже --
Что с того!
Зачем же опять узнаю я
Родные места,
Холмистую грудь
Моей милой земли,
И ночь, и ту самую речку,
Хотя я впервые гляжу
С моей кручи?
Откуда тогда этот стег
Так тревожно шумящий
В моей крови —
Этот треск и твердость
Сердечной оси? Так было!
И спорить я не намерен об этом.

Ветер и пули свистели!
Так вот, дикой степью
На легкой тачанке
Под звездами мы уходили.
Хрипел коренник,
И «максим» клекотал,
А две пристяжных
Заручались свободой.
Нас четверо было,
И в каждом — по жизни,
И пыльный отчаянный шлем
Со звездой во лбу.
Я помню — мой лучший товарищ,
Решительно презирая погоню,
И гиканье,
И перецелк хладнокровных затворов,
С горячей улыбкою панскосок
Насвистывал «В степи под Херсоном...»
И правил
Вороной, черно-пламенной тройкой.
А конские гривы
Распахнулись над нашими головами
И низко бесшумно неслись —
То было время!
Клянусь, что, глаза поднимая,
Я видел, как чистая ласточка,
Не расставаясь,
Стремилась левее тачанки
И вдруг на лету
Прикасалась к бессмертью,
И острыми крыльями
Резала лунную ночь,
Укорачивая и раздвигая дорогу,
И ветер, и пули свистели...
От чудной погони,
От сволочи белой мы уходили.

Я помню —
С березовой веткой в петлице,
Сразу с трех сторон света
На чертовой резвой лошадке
Тот самый,
Тот юный проворный корнет
Из-под земли выростал.
От волчьего гона,
И скачки, и смерти
Он нежно порозовел до кончиков
Безупречно вылепленных ушей,
Он гибко с седла наклонялся
Над бездной своей,
Серебрился погон золотой
Под ночную звездой,
А над просторным лбом
Плескались русые кудри.
Он был бы хорон и в земле
Тот корнет, но он выростал сразу
С трех сторон нашего света.
«Ребята, он — мой!» —
Я сказал, он услышал
И вкрадчиво улыбнулся — мой милый.
К тому же, он не по летам
Экономил патроны,
Кивал мне и целился в сердце...
И вдруг!
На крутом столбовом повороте
Я срезал корнета и вздрогнул,
Нет! Я засмеялся,
Я поблудил от холодного наслажденья.
И тут же судьба
И жестокое счастье
Обожгли, а не обезобразили лица,
Светом прямым отразившись
В глазах своих сыновей.

Он низко унал,
Застряв мертвой подвижной ногой
В дужке стремени,
Светлый конь зарыдал и понес,
И подирывивала,
И глухо по нашей земле
Колотилась голова всадника —
Бесславно прекрасная
В кровавой пыли...
Эй, радость моя!
Я тебе расскажу,
Что в ту лунную ночь
Мы ушли от погоны.
Нас четверо было,
И в каждом по жизни осталось.
Да знал ли я,
Что в двадцатых годах комсомольцы
От пули залетной не умирают?
Что чести и совести нашей, и духу
Не по пути со смертью?
Нет, я не знал,
И «мы ехали шагом...»
Спустя столько лет
Только главные подробности
Называю я правдой —
Речка синела,
И белели, плыли облака
У чистых железных копыт лошадей.
И кто-то из нас,
Я не помню — кто,
Широко оглянулся, вздохнул глубоко
И — клянусь! — не поднялся,
Когда мы напались живой,
Но прижался всем сердцем
К прохладной земле
«И закрыл свои карие очи...»

* * *

Тихо в поле Куликовом.

На листе моем багровом
Небеса и русский стяг
Отраженные блестят,
Рукоятка запасного
Моего меча и щит.

Не хватает только слова —
Поле, поле Куликово!

Слава лебедем летит.

Черный ворон
Крови полон —
Сыт.

Ворон и Батый

Это кто там с мордой строгой,
Саблей насухо побритой,
В шубе, молнией подбитой,
Из степного волка сшитой?

Это кто там, кривоногий,
На четыре на дороги
Выезжает?

Чернеет ворон за плечами,
Сверкнув кровавыми очами.

Где развилок лег великий,
Это чей там дух тяжелый
Угрожает легкой никой,
Подколотной повилкой
И мочой кобылки дикой?

Это пыль и прах беды —
Это ворон и Батый.

Люблю

Люблю затишье вечеров,
Зеленой нвы влагу,
Войну счастливых пацанов —
Веселую отвагу.

Соединения дворов,
Строфу живую сквера,
И строчки, и лалки орденов,
Покой пенсионера.

Стрижей стремительных шике,
Повадки их родные —
Крылами чиркнуть по реке,
Расставить занятые.

Люблю дыхание вешних гроз,
И ясность в небе близком,
И свет торжественных берез
У строгих обелисков.

Ты крикнешь, обожгут глаза,
Не оглянусь с улыбкой —
Подступят к горлу небеса
С твоей косышкой зыбкой.

Идут ученья. Кровь играет.
А в восемь сорок пять утра
Атака стяги расчехляет,
И солнце зимнее сверкает,
Гремит веселое «ура».
А на меня комбат глядит:
«Высочи ранен», — говорит.
Все глубже снег. И дальше, дальше
Белеет поле битвы нашей...
И километра полтора
В одиннадцать поль-поль утра
Я волоку из-под обстрела
Здоровое живое тело —
Высочи в небеса глядит.
Он «ранен», а страдать не хочет.
«Не осуждаю, — он хохочет, —
Инструктор, поднажми!» — кричит.
А я шатаюсь, но опять
Я не желаю уставать!
Играет кровь. Чисты просторы.
Идут ученья, цель которых
Обязан каждый понимать!

Затяжной прыжок

Мела, я помню,
Солнечная выюга.
Осталась выше
Наша эскадрилья.
Мы падали,
Равняясь друг на друга,
Превжав по швам
Обугленные крылья.

К верблюду

И если в душу на ее живые
Кровоснабжающиеся матерки
Надвинутся когда-нибудь пустые
Сухой тоски сыпучие пески,
Будь то, как говорится, результаты
Последней трижды проклятой войны,
Шуршащий пепел, монотонный ветер
Безлюдной, одинокой тишины,

Верблюд — скажу, —
Спасай меня.

Своей высокой замкнутой осанкой,
Двухнаруемым видеьем простоты,
Своею шерстью и своей изнанкой,
Двумя глотками сгорбленной воды,
Мой откровенничающий так грубо,
Так недостойно выпуклый кадык,
Мои постыдно лопнувшие губы
И грешный, но не вырванный язык,

Верблюд — скажу, —
Спасай меня.

И если мне вдруг выпадет земное
Разумное продолжить бытие,
Приди ко мне и раздели со мною
Верблюжье жизнелюбие свое.

* * *

Было время, и костыль
Был стволом березовым.
На закатах костыль
Был молочно-розовым.

Шелестеть любил костыль,
По почам светился.
Было время, на костыль
Соловей садился.

Березы

Вдруг просека —
И долгий чей-то взгляд.
Блестит береза в глубине.
И листья
Уже не шелестят,
А говорят.
И белый ствол —
Он дышит кожей чистой.

Береза снизу
Одолела тьму!
Бесеньяна мысль —
Она не вытрет слезы.
На родине —
Я знаю, почему —
У обелисков
Мне родней березы.

Баллада о войне и мире

И я работал на заводе N
У каменных зеленых корпусов
В сосновой чаще начинался день
Проверенной системой пропусков.
...Во имя мира мы стволы крепили,
Снаряды на конвейеры грузили,
Во имя мира мы любили
Жизнь боевых станков.

А в перерыве из фрамуги, с тыла
Плещкался чистый голубь белокрылый,
И мы кормили, образуя круг,
И он клевал из чистых наших рук.

А ночью спилось — началась весна.
Орудья без чехлов зазеленели,
И почками стреляла тишина,
И ветки на стволах похорошели.
Я шел-летел, упорствовал смелей,
Вниз тянулись полосы лесные,
Границы парупали на земле
Уже не войны — весны мировые!

* * *

Кто мне спать не дает,
К делу слово зовет?
Выхожу на дорогу прямую.
Улыбаюсь звезде,
Путеводной ветле,
Я иду в мою смену почную.

Музу черновика
Я в лицо узнаю —
К моей черной работе ревную.
Торжествует рука,
У формовки стою —
Нашу землю сырую формую.

Шум стального ручья,
Пламенный непокой
Смысл и форму в земле обретают,
Пахнет кожа моя
Рукотворной землей —
Капли пота и звезды мерцают.

Баллада о рабочих розах

И на твердой земле заводской
Вровень с сердцем, подать рукой,
Красно-светлые розы покачивались,
И, покачиваясь, поворачивались
Своей солнечной стороной.

Их, наверно, поэмно растили,
Жизнестойкости мягко учили,
Землю вскапывали, полили
Самой чистой, светлой водой.
И сейчас -- до чего хороши! --
Длинноногие нежно покачивались,
Крепыши-бутоны потягивались:
-- Сладко утром дышать? Дыши!

Нужно с добрых дел начинать,
Время в кровном родстве с заботами --
В перерывах розы работали,
Помогали рукам отдыхать.

* * *

Вспомню — отлетающие птицы голоса.
Дождики чубатые. Лысые леса.

Речки ледовитой где вы, берега?
Исные морозы. Светлые снега.

Только что припомню — на мои глаза
Навернется легкая майская гроза.

А в округе чистой зелены стога.
Рыжая корова. Белые рога.

* * *

Последнее бабьего лета объять.
Прозрачная грусть среднерусских картин.
И всех одиночеств прозрачных раснять
На всех перекрестках и гроздьях рябины.

Прощайте, родные! Живой и согретый
Упосится звук. Мои сосны шумят.
В ладонях тепло уходящего лета.
И вечер. А листья летят и летят.

* * *

Круча. Поднебесье.
Я не одинок.
Осень. Краснолесье.
Дунул ветерок
И метлицу жесткую
Пополам согнул,
Дунул против шерстки,
Зяблика спихнул
С побледневшей ветки.
Дунул, перестал,
В пивной беседке
Встал и помолчал.
Плащик парусиновый,
Ельничек ершист,
Сам в себя оспиновый
Завернулся лист.
Рольные пернатые
На крылья налегли,
А дожди чубатые
На рысях прошли.

Зеленый лист

Еще не скоро выюги прилетят.
Ни ветерка, и воздух неподвижен,
По что-то, что-то застилает взгляд,
Чем дальше едешь — поведенье тише.

Но видеть не могу уже без слез
Черты живые золотого склона,
Спокойное отчаянье берез,
Когда летит последний лист зеленый.

* * *

Под незатейливый мотив
Грибных дождей, нешумных сосен,
У елки встретив нашу осень
И до рябины проводив,
Тобою увлечен неволью,
Товарищ быстроглазый мой,
Я нежностью нерукотворной,
И обнаженной головой
Ручаюсь, что уму смелеть,
Столетью цвести, душе добреть,
Что жить и жить на подметенной
Обветренной земле сырой
Той красно-светлой, влажно-темной
Забывтой книжке записной.

Под Новый год

Жесток мороз в глуши лесной!
Под вечер я полуужиной
Стою, прицурившись, курю
И на живую ель смотрю,
Которую сейчас срублю
И в елку переименую,
Уже по новому живую,
И снова жизнь ее вторую
На две недели полюблю.

Прости, пожалуйста, за две
Недели твоего бессмертья,
За то, что я на этом свете
Твой сумрак выставлю за дверь,
За то еще, что я воспеть
Любимой жизни круговерть
Без добродушия рискую —
Твою на свалке смерть вторую,
Жизнеуныный перебой,
И прелесть ели молодой.

Как же не помнить!
Вот и стоишь
В красном углу
И веселье хранишь.

Вся твоя жизнь —
Лучший мой праздник,
Ты-то зеленая,
Я первоклассник.

Шумно и тесно —
Гости пришли,

Вернись не вернись,
Со всей земан.

Что-то родное
В полночь гремит,
Звезда у тебя
На макушке горит.

Грянули вальсы,
На нитке стальной
Кружиться-вертится
Шар золотой.

Как же не помнить
Этот один
В нежной обертке
Живой апельсин!

Снег

Снег идет.
Что за снег!
Снег идет.
Чистый снег.

Я по улице бегу,
Удержаться не могу —
Снег целую, задыхаюсь,
Горячо благодарю,
Поминутно спотыкаюсь,
Извиняюсь, говорю:
«Там, на самом дне оврага,
Где не сделаешь пошлага,
Не рискуя ошибиться,
Растянуться, ушибиться,
Где живет любитель мрака
Старый, белый пень гнилой,
Там на самом дне оврага
Есть цветочек голубой.
Ты его из жалости,
Снег, не тронь, пожалуйста».

Снег идет.
Что за снег!
Снег идет.
Добрый снег.

Пальто

«Серьезней молодость любите!
Не юбилейный сборник свой,
Пальто поэту подарите,
Легко одетому зимой», —
Так прозаически я перво
Свое лирическое гнул,
В пальто широком равномерно,
В которое меня впахнул,
Встревожив пальмовой веткой
Покроя пыльного покой,
Большой поэт, живущий крепко
За нашей Средней полосой.
И говорил я, не изведав
Той знаменитой немоты:
«Есть в опыте больших поэтов
Народа нашего черты».
О том, что чувства очищались
От сухощавой шелухи,
Что мне прекрасными казались
Его отличные стихи,
Молчал я, но под ветром лютым
Я гнул свое, неколебим:
«А доброта нужнее людям,
Хоть красота доступней им».

Подражание

Что красота без доброй воли? — Смерть.
Я жить люблю — я вижу белый свет!
Вот речка глубиною расцветает
Там, где широк на Лету поворот.
Вот лебедь мимо сердца проплывает,
Вот вопросительную шею выпрямляет,
Не ускоряя солнечный восход..
Поближе к небу, греясь в свой черед,
Вот из груди ее змея, колеблясь, вырастает,
А вот извилистой тропой взад-вперед
Сальери ласковый задумчиво гуляет,
Так рассуждает он, что знаю я —
Песнь лебединую лелеет и змея.

* * *

Падал, вставал, улыбался,
Годы легко провожал,
В чувствах своих ошибался,
Верности не предавал,
С небом сердце встречалось,
Вольно дышалось с утра,
Но ни единая радость
Вовремя не пришла!

* * *

Он ударил умело
Словом, а не рукой —
Даже шапка слетела.
Дело было зимой.

Опрометчив в неполных
Тридцать пять моих лет,
Ночью сплю беспокойно,
Просыпаю рассвет.

Знаю, полупроснувшись
И глаза не открыв —
Свет ночей промелькнувший
Неразумно правдив.

Верю с светлым испугом —
Меня солнце найдет,
Друг останется другом,
А обида уйдет.

* * *

Я так хочу отречься от себя,
А не терпеть свои несовершенства,
Чуть презирая...

С чистой силой детства
Я так хочу, свой черновик любя,
На чистую страницу надышать,
Правдивой строчкой оживить тетрадь,
О радости и счастье написать,
Затем с несовершенством помириться,
Знак восклицанья за макушку взять
И на себя, шатаясь, приподнять,
А строчке жизнестойкую придать
Тень и от легкости не надорваться!

* * *

И море. И родные небеса.
И так полна душа в краю широком,
И воздух так прозрачен, как слеза, —
Белей. Останься, парус, одиноким!

И так полна душа на берегах!
Звезда горит, мерцают две березы,
Да чей-то синий профиль в облаках,
А воздух — это те же слезы.

Да устыжусь невыстраданных слов.
Звезда горит над синевой дороги..
Как дым Отечества, как первая любовь, —
Белей. Останься, парус, одиноким!

Тоска по Лермонтову

В строке еще чернила
Просохли не совсем,
А мне перевалило
Уже за двадцать семь.

И сердце бьет тревогу —
За возрастом слежу
И снова на дорогу
Один я выхожу.

Какая это мука,
Когда рука молчит,
Когда звезда ни звука
Звезде не говорит.

* * *

И свет. И воздух. В окнах небеса.
И музыка в далеком краснолесье.
И солнечные слезы. И глаза.
Где мы, не знаю, но леса на месте.

Нательная чиста голубизна.
И свет. И стоит повториться в счастье —
Где мы, не знаю, но земля нежна,
Мы в сероглазой соловьиной чаще.

И свет. И свежесть. И воздушный путь.
Усилье чистоты — и звук живее,
И кажется — еще, еще чуть-чуть,
И луч качает твой завиток на шее.

На ресницах прилетела,
Очи настезь — я притих,
Солнце в двух слезах блесело
На пушистых запястьях.

Прописалась — как тут станешь
Преписать, — я не стал.
— Как, — спросила, — поживаешь?
— Милая! — я отвечал.

Помолчала на прощанье.
Побледнела у дверей.
— Эй, — сказала, — до свиданья! —
Я «спасибо» крикнул ей.

Сразу стали неподвижной
Край небес, сосновый стол,
Снег пошел, прошло полжизни,
Я и бровью не повел.

* * *

Только вот закурю —
И веселая грусть
Усмехнется, вздохнет
И в глаза поцелует.
И во имя твое
Я придумаю мир —
Прошумят, промелькнут
Времена и народы.
И над темной рекой
Бултыхнется звезда —
Нежный трепет в душе
Разойдется кругами.
Быстро чиркнув крылом,
Птица — белая вся! —
Над рекой пролетит
И бесшумно, и мягко.
Только вот закурил —
И на круги моя
Через тысячи лет
Жизнь твоя возвратилась.
Если птица летит,
Отразившись в реке, —
Не сгорела звезда,
А перевоплотилась.

В старой каменоломне

В день пасмурный грущу,
Не вижу нашей тени,
В приют кривых камней
Спускаюсь налегке,
Пу, разве что с цветком...
Так холодеют стены,
Что одуванчик твой
Прирос к моей руке.

Воздушный поцелуй,
Наверно, не смертелен.
Быть может, повезет
И светлячок цветка
Так мягко заблестит,
Где каменеет темень,
Что я смогу понять
Журчание сверчка.

Быть может, повезет
И бабочка ночная,
Как черный огонек,
Метнется, полетит,
Каменоломни дух
Не оживит, порхая,
И крылышком родным
Цветок не раздробит.

Так случилось — шли дожди

Чей-то чистый, чей-то взор
Светит удивленный —
То ли красный светофор,
То ли клен зеленый.
Что-то ждет, а кто-то ист,
Но никто не плачет.
Ты надела мой берет,
Наизнанку плащик,
И скорей бежать босой...
Только очень скоро
Съезжилась на мостовой
Возле светофора.
Шли соседки. Годы шли.
Зонтики мелькали.
И смешные пузыри
Пятки щекотали.

* * *

Простая мысль —
В дороге утро ветретить!
Любить, смотреть — рассветы швроки.
Вначале делом доброте ответить
И только после написать стихи.

Я прижимаюсь
К скорому привычно —
Транзитная передается дрожь.
Такая ночь! И шум. Звезды не слышно.
О небе шепчет легкий быстрый дождь.

На перегонах обгоняю грозы,
В окне торчу счастливой головой —
Слежу огонь зеленый у березы,
Вон ту рябину чувствую спиной!

Дзю-до

Халат не завязываю темно-синий.
Под вишнями розовыми отдыхаю.
Милая смотрит в окно.

Вода полногруда в стеклянном кувшине.
На гнутом гвозде, от борьбы просыхая,
Висит мое кимоно.

И вольно, и грозно в нем мыслило гело,
Хребет пред броском скрипел,
А поле мой красный с полоскою белой,
Растягиваясь, темнел.

Достойнее тот, кто душою не черный —
Даже когда рисковал,
Прием удушающий не запрещенный
Я сам себе запрещал.

Столетье спустя, не по моде одетый,
На «Гений дзю-до» покупаю билеты,
Медные деньги звенят —

Я продал любимый халат полотняный.
Зеленые очи моей Татианы
Спокойно уже блестят.

Люблю друзей. И пет покоя мне.
Их взгляды быстрые, походку, лица, плечи,
Они с собой приносят свежесть речек,
Лесов прохладу и родные дали,
Их грусть люблю в такси и на вокзале,
Их звонкий смех на горном перевале...

Или когда я слышу в тишине,
В порыве праздничном заздравию
Их пламенную речь о нашем главном —
О Родине, о бескорыстье, узах,
Насущных доблестях, о музах.

А тот, который всех смуглей,
Испанских, кажется, кровей,
Творит решительно хорей
В честь милой женщины моей...

А женщина глядит в окно
И не снимается в кино,
Но отражается в природе —
То в иве худенькой такой,
То в стирке долгой над рекой,
В прелестной нашей непогоде,
В дождях косых как из ведра,
В надежде испытать с утра
Ту жажду славы и добра,
Которая живет в народе.

...Да! до свиданья, — говорю.
Такси залетное ловлю,
Смеюсь, бок о бок пробегаю,
Но напоследок я курю,
Друзей ладони обнимаю.

**«И друг
степей калмык»**

Летел, шумел зеленый скорый,
И вдруг в Молдавии веселой
Очаровало мой язык
Твое: «и друг степей калмык».

Лен Белоруссия белила,
В ночи писать сподручней было,
Но я не осушал чернила,
Очаровало мой язык
Твое: «и друг степей калмык».

И в пересмене зорь небесных
На тридцать земель окрестных
Ласкает слух, родной язык
Твое: «и друг степей калмык».

Весна в Подсолнечной

Ива твоя не грустна!
Счастлив, тебе говоря:
— Доброе утро, весна,
Времени года заря.

Доброе утро, весна.
Воздух раскупорен — пей!
Помолодела сосна,
О жизни шумит твоей.

Солнечна и зелена,
Ивам твоим сестра,
Помолодела сосна —
Сам я видел вчера.

О жизни шумит твоей!
Ухом к земле приник —
О том и поет ручей,
О чем запеваёт родник.

Ухом к земле приник,
Не закрываю глаза —
В розовых мочках твоих,
Сверкая, блестит роса!

В горах

И страшно было над скалою,
И мрак сырой в лицо дышал,
Срывался камень под ногою
И долго, гулко затихал.

Я думал — черную долину
По воздуху перешагну,
Строку над бездной перекину
И, значит, бездну зачеркну.

Меня душа опередила
И, не колеблясь, по прямой
Прошла и светом осветила
Глубокий сумрак под скалою.

* * *

И спросил поэт французский:
— Лгу или правду говорю?
Говорили мы по-русски,
Я пассажи не люблю.

— Правду! — я ответил звучно.
Желчно он молчал, глядел,
Но зато нам стало скучно
И ко мне он охладел.

Ответ

«Но зеленый лист увянет,
Вещей ложью правда станет,
Ванна светлая вода
Потемнеет — я-то знаю!»—
Он сказал, перо роняя.
Я ответил: — Никогда!

Тихо каркнул он вчера,
Вырвал с мясом два пера.
«Но тогда сочтемся солью,
Если выкипит вражда —
Стапет ненависть любовью!»
Я ответил: — Никогда!

И, выдергивая перья,
Гаркнул он: «Но в наше время
Ты счастливый и веселый,
Но увянет лист зеленый —
Спета песенка твоя!»
— Никогда, — ответил я.

О терпенье

Что о терпенье о своем
Толкуешь и шумишь,
Пыряешь стареньким ведром
В колодезную тень?

Зачем, самим собою полн,
С тоской глядишь вокруг,
И терпишь благозвучный стон,
И оскорбляешь слух?

Ты не терпи — глаза протри,
На землю посмотри.
А сколько боли в ней лежит!
Но терпит и молчит.

И время в общий свой черед
Летит или идет —
Прямее дерево растет,
Корнями ест и пьет.

И ветер с пасмурных небес
Сдувает облака,
И передышка наша здесь —
В цветах лежит рука!

Водораздел

Случилось так, небесными лучами
Легко сжигаем, пить я захотел
И лег мостом между двумя ручьями,
Но поперек меня водораздел.

Прибит к земле небесными лучами,
Собой я крестовину оживил,
Лежал, смотрел, и шевелил губами,
И пил, и думал, воды не мутил.

По мне, я помню, кто-то вдаль стремился
И усиками голень щекотал.
Мое прямое тело от мизинца
Вперед и выше воздух освежал.

«Губами пить, так выбирай глазами, —
Так думал я и на воду глядел, —
И здравствуй между чистыми ручьями,
Но кожей понимай водораздел».

Он освежал. Меня бодрила радость.
И, может быть, под мыслящей звездой
Я так приник к нему, что показалось —
Он гибко шевельнулся подо мной.

Два мотылька взлетели (кто-то дунул),
Кружась над той и этою водой.
«И горбиком порхают, — я подумал, —
Откуда легкость в слабости такой!»

А их пергамент дымчатый, воздушный
Над чистою водою шелестел,
Но пролистаешь, дунешь — и послушно
Их тень ложится на водораздел.

Чертою незримой (понял я не сразу)
Проходит он и в дружбе, и в любви,
Между зрачком и светлой частью глаза,
И в воздухе, да и у нас в крови.

* * *

И выдохнул воздух и слово открыл.
Я чистое солнце в гнездо посадил.
— Лети! — я сказал и взмахнул рукой —
И выпустил время из клетки грудной.

И взглядом отрытым я оживил
Моря, небеса и покой их подвижный.
А землю я обнял. Хватило мне жизни.
О смерти не думал, я радость любил.

Вон дождик бежит из веселых туч,
Счастье добру улыбается — вот,
Цепляясь шишами за солнечный луч,
На родине красная роза цветет...

Тревога! — я вздрогнул — открылось окно.
Тревога! — себя человек забывает,
Пательную голубизну загрязняет —
И чистого воздуха меньше — темно...

Но добрым умом человек могуч,
В сердце живом чистота не умрет —
Цепляясь шишами за солнечный луч,
В воздухе красная роза цветет.

Происхождение радости

Вначале... А в самом начале
Два ветра друг друга качали,
Качели летели, казался
Пригорок чертою лица,
Сад в радости преображался,
Я взглядом к нему прижимался,
А если к земле приближался —
Летела земля в небеса!
На яблоне пестик качался,
Пчела улетала — я видел —
След в воздухе начинался
От пятого лепестка.
Затем... А затем летели
Годы. Веселое чувство
Окрепло всерьез, потому что
Я верил, а не хитрил.
Свежо — от единого ветра!
Тревожно — от нашего века!
Позднее в лице человека
И главную мысль полюбил.

На выздоровление друга в 1972 году

3 И лучших дней воспоминанья...

М. Лермонтов

Я не знаю, как плавает жерех,
Спши Сож в глаза не видал,
Не держался рукой за берег.
Я на круче твоей не стоял.
Но за клекот твой соловьиный,
С легким гонором, с тяжкою всей —
Говорю я: живи, любимый,
Пу, хотя бы еще двадцать семь.
Затоскуешь — я резко почую,
Где леса, где твой собственный лес.
Я целую землю сырую,
Синь крутую наших небес.
Чистотой лицо засветилось,
К небесам обращаюсь я:
Если есть на земле справедливость,
Жить обязаны долго друзья.

Ночью кончились чернила,
А когда я загрузил,
Запавеску зазнобило,
Подстакапник подскочил.
И с такою чистой силой
Позвала меня земля,
Что опять глаза закрыла
Фотокарточка твоя.
Я открыл окно и вышел.
Я себя не удержал —
Вешнюю грозой по крышам
До Калуги добежал.
Грусть любовью оказалась,
Карандаш в руке расцвел,
И рука не спотыкалась,
И шумел сосновый стол.

В Черном море

Жив, курялка, романтической норд-ост!
Красен парус, море черное от гроз.
Сразу видно — рыбе дело, брат, табак!
Трубку курит романтический рыбак.
Он забрасывает сети день-деньской
Твердой, может быть, железною рукой.
Скачут молнии, в грозу скрипят борта.
Чайки сзади сатанеют неспроста.
Золотое место — сети перебрось!
Красен парус, море черное от гроз.
Золотая жила — трубку сунь в карман!
В общем, в меру перевыполнили план.
Море синее, как Байрона прищур.
У норд-оста, слава богу, перекур.
Возвращаемся с попутным, не спеша.
Красен парус, рыба белая свежа.
Только чайки, провожая, верещат,
Между крыльев шеи вывернув назад.

Южная ночь во время грозы

И дикая степь Кабарды,
И прах пролетевшей звезды,
И жертва во имя успеха —
Баранье предсмертное эхо
Я слышу во мраке ночей,
И храп боевых лошадей,
И споры верховных вождей,
И горы, и месяц кривой,
Сквозь мрак осиявший победу,
От жирного плова следы
На той вон рубашке стальной
Мне чудятся в полночь эту
В державном явлении грозы.
Судьбы огневые азы,
И свежесть не тайной свободы,
И чистая сила природы,
И ветер, небесные своды,
И дикая степь Кабарды.

Что за странные созвучья
По утрам меня волнуют?
Олорун и бабалоча,
Барабаны бога Шанго,
Топот негритянских пяток,
Не подкованных латынью..
Что за странные причуды
Зрением овладевают?
Этот храм с зеленой дверью,
Приоткрытой легким ветром,
Эта, с ликом обезьяны
И с мечом, седая жрица...
Удивляюсь — и откуда
Сквозняки живые эти
Овевают, возбуждают
Мой бесхитростный желудок?
Я до завтрака гуляю,
Умываюсь Черным морем...
Это с Кубы — вспоминаю,
Улыбаюсь — это с Кубы
Сквозняки живые дуют, .
Околдовывают губы —
Олорун и Элеггуа,
Бог дорог и перекрестков.

О покое и воле

А вечером ныряю
И, доверяясь морю,
Я телом постигаю
Покой морской и волю.

Душа не измельчала,
А волны даль качают,
Я вижу — у причала
Арбузы выгружают.

И бронзовой сегодня,
И шире стали спины,
Поскрипывают сходни,
Качаются корзины...

Я в море оттого-то
Внимание удвою,
Что вкраплена работа
В покой морской и волю.

В конечном результате,
Вблизи и на просторе,
Я знаю — на закате
Арбузом пахнет море.

* * *

Вольно так, легко отчего-то!
Среднерусский ветер летит.
Дуб шумит. И бодрит свобода.
Березняк тонкостройный шумит.

Я прищурюсь, я сдвину крону
Набекрень, любя и любя —
Клен ты мой, говорю, зеленый,
Я целую в сердце тебя.

Лес, ты губы мои запечатай!
К человеку, если молчит,
Полевицей, живою мятой
Речь родная благоволит.

И трудов-то — даешься диву!
С долгой страстью, скрывая стыд,
В две косы заплетал бы иву,
Да и так хороша навзрыд.

Ароматом дышу сосновым,
Диких роз обнимаю куст.
Не полезу в карман за словом —
Лес шумит. Я душой не пуст.

Содержание

- 7 «Мороз и солнце. Блют куранты...»
- 8 «А запомнил еще, как во время войны...»
- 9 «Не свищут пули — ветер свищет...»
- 10 «Завидово»
- 11 «Честно жить и думать честно!...»
- 12 Живая связь
- 13 «В горле моем тишина...»
- 14 «А если под знойной звездой...»
- 15 «Свежий сумрак полевой...»
- 16 На Кубани
- 17 У мельничной запруды
- 18 «Горит звезда. Царит под ней...»
- 19 «Крикнешь дали бескрайней и почувешь сперва...»
- 20 «Случится мигута такая...»
- 21 «Исполнишь под чистой и пристальной высью...»
- 22 Песня
- 26 «Тихо в поле Куликовом...»
- 27 Ворон и Батый
- 28 Люблю
- 29 Тревога
- 30 Затяжкой прыжок
- 31 К верблюду
- 32 «Было время, и костыль был стволом березовым...»
- 33 Березы
- 34 Баллада о войне и мире
- 35 «Кто мне спать не дает...»
- 36 Баллада о рабочих розах

- 37 «Вспомню — отлетающие птицы
голоса...»
- 38 «Последнее бабьего лета объятье...»
- 39 «Круча. Поднебесье. Я не одиноч...»
- 40 Зеленый лист
- 41 «Под незатейливый мотив грибных
дождей...»
- 42 Под Новый год
- 44 Снег
- 45 Пальто
- 46 Подражание
- 47 «Падал, вставал, улыбался...»
- 48 «Он ударил умело...»
- 49 «Я так хочу отречься от себя...»
- 50 «И море. И родные небеса...»
- 51 Тоска по Лермонтову
- 52 «И свет. И воздух. В окнах небеса...»
- 53 «На ресницах прилетела...»
- 54 «Только вот закурю...»
- 55 В старой каменоломне
- 56 Так случилось — шли дожди
- 57 «Простая мысль — в дороге утро
встретить!..»
- 58 Дзю-до
- 59 «Люблю друзей. И нет покоя мне...»
- 60 «И друг стеней калмык»
- 61 Весна в Подсолпечной
- 62 В горах
- 63 «И спросил поэт французский...»
- 64 Ответ
- 65 О терпенье
- 66 Водораздел
- 68 «Я выдохнул воздух и слово
открыл...»
- 69 Происхождение радости
- 70 На выздоровление друга в 1972 году

- 71 «Ночью кончились чернила...»
72 В Черном море
73 Южная ночь во время грозы
74 «Что за странные созвучья...»
75 О покое и воле
76 «Вольно так, легко отчего-то!..»

**Егор Дмитриевич
Самченко**

Жесткий вагон

Стихи

Редакторы

Л. Вьюнник, С. Суша

Художественный редактор

Б. Мокин

Технический редактор

Е. Румянцева

Корректор

Н. Попова

Сдано в набор 21/X-1974 г.
Подписано к печати 17/II-1975 г.
A10632. Формат изд. 70×90¹/₃₂.
Бумага офс. Печ. л. 2,5. Усл.
печ. л. 2,93. Уч-изд. л. 2,08. Ти-
раж 10 000 экз. Заказ № 4407.
Цена 21 коп.

Издательство «Современник»
Государственного комитета Со-
вета Министров РСФСР по де-
лам издательств, полиграфии и
книжной торговли и Союза
писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351,
Ярцевская, 4

Ряз. обл. типография.
390012, г. Рязань, ул. Новая, 69

В ближайшее время в серии выйдет сборник стихов Владимира Перкина «Чистый цвет».

В основу книги легли стихи о Советской Армии, о наших днях. Сам прошедший армейскую закалку, автор убедительно раскрывает характер молодого воина, показывает его нравственный рост. Высокая гражданственность, патриотизм, искренность отличают лучшие стихи В. Перкина.

Первая книга в столице